

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–394

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 390–394

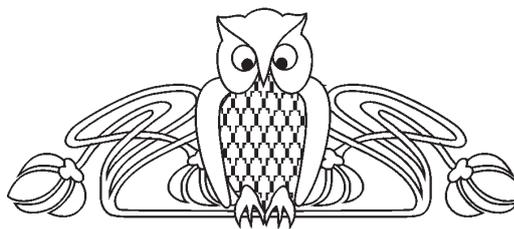
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

Научная статья

УДК 316.73+316.77

О коммуникативной природе электронной культуры

О. Ю. Голуб

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Ольга Юрьевна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций, goloub@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6280-9011>

Аннотация. Интернет, как глобальный канал коммуникации, выступает фактором, системно трансформирующим всю социальную действительность. Цифровизация практически всех сфер жизни, виртуализация коммуникаций и расширение сетевых взаимодействий приводят к глубоким изменениям в общественном устройстве, социальных институтах, социокультурных механизмах функционирования общества, пересмотру этико-правовых норм. Трансформационные перемены масштабного социокультурного контекста порождают новый тип культуры. В статье дается теоретико-методологическое обоснование феномена современной электронной культуры в традициях коммуникационного подхода. Автором делается вывод об обусловленности формирования культуры цифрового мира через все виды коммуникации, позволяющие осуществлять социально-культурные взаимодействия индивидов и социальных общностей.

Ключевые слова: коммуникативистика, виртуальная коммуникация, социальные сети, электронная культура

Для цитирования: Голуб О. Ю. О коммуникативной природе электронной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 390–394. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the communicative nature of electronic culture

O. Yu. Golub

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Golub, goloub@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6280-9011>

Abstract. The Internet, as the global communication channel, is a factor systemically transforming all social reality. Digitalization of almost all spheres of life, communications virtualization and the expansion of network interactions lead to deep changes in the social structure, social institutions, sociocultural mechanisms for the functioning of society and revising ethical and legal norms. Transformation changes of a large-scale sociocultural context generate a new type of culture. The article gives the theoretical and methodological substantiation of the phenomenon of modern electronic culture within the communication approach. It is concluded that the formation of digital world culture is conditioned by all types of communication, allowing for the social and cultural interactions of individuals and social communities.

Keywords: communication, virtual communication, social networks, electronic culture

For citation: Golub O. Yu. On the communicative nature of electronic culture. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 390–394 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-390-394>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Перенос значительной части социальных коммуникаций в интернет-пространство стимулирует развитие новых моделей поведения, видов социальных практик, формирование новых ролей, статусов, идентичностей, что, по сути, означает формирование культуры нового типа. В последнее время в социогуманитарной науке феномен информатизации культуры изучается весьма активно. Истоки подобного интереса заложены теориями информационного

общества Й. Масуды, Д. Бэлла, А. Тоффлера, М. Маклюэна, М. Кастельса, Дж. Нейсбита и др. Анализ процессов социокультурного развития общества и человека в эпоху высоких технологий Ю. Хабермаса, Н. Лумана, У. Бека, Р. Барта, П. Бурдье был продолжен в трудах Ж. Бодрийера, М. Хайма, Б. Жира и других, предложивших новые методологические подходы к изучению проблемы развития виртуальной реальности и культуры.

В современной западной и отечественной литературе для описания происходящих изменений и феноменов, возникающих на основе информационных технологий, используются близкие, но, на наш взгляд, не тождественные понятия, такие как информационно-коммуникационная культура, цифровая культура, киберкультура, интернет-культура, виртуальная культура, электронная культура и др. Сравнительно-сопоставительный анализ этих терминов осуществлен Л. В. Баевой. Разделяя ее позицию относительно понятия электронной культуры как более объемного по отношению ко всем другим¹, отметим, что содержание этого термина вбирает не только собственно информационные технологии, информационные программы, обеспечение, формы защиты информации, но и аналоги существующих реальных объектов, Интернет, электронные формы коммуникации, социальные сети, цифровую экономику, платформы для дистанционного образования; цифровые реконструкции объектов культурного наследия; компьютерные игры; электронные СМИ; электронное искусство; электронные архивы, библиотеки, другие феномены и процессы информационной эпохи. Л. В. Баева определяет электронную культуру как «совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения инноваций, информатизации, характеризующихся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией»², призванную обеспечить индивиду новые формы существования – «без жестких границ между внешним и внутренним, творчеством и потреблением, уникальным и программируемым»³.

К настоящему времени в науке сложились методологические подходы к исследованию электронной культуры: технико-технологический, культурно-архивный, стадийный, креативно-онтологический, коммуникационный, медиа-лингвистический, экзистенциально-аксиологический, в традициях которых изучаются ее природа, структура и функциональные проявления⁴. Автор настоящей публикации разделяет коммуникационный подход, связанный с пониманием современной электронной культуры как вида социальной связи на основе направленной передачи информации, позволяющего осуществлять социально-культурные взаимодействия индивидов и социальных общностей. Культура любого типа развивается через все виды коммуникации. Сетевое общество, о котором писал М. Кастельс, на основе плотной сети коммуникаций посредством компьютерных и мобильных систем обеспечивает небывалый уровень синхронизации, приводящей к изменениям ценностей, принципов, норм, этики коммуникаций и в конечном итоге формированию нового типа культуры. Главная задача электронной этики, сформулированная еще Н. Винером, заключается в конкретизации моральных норм с

целью регулирования человеческого поведения в сфере создания и использования информационно-компьютерных технологий.

В современной коммуникативистике сложилось общее представление об этических принципах коммуникаций. К их числу относят: осмысленность коммуникаций; эффективность использования различных каналов информации; внимательное восприятие не только вербальных, но и невербальных сообщений партнера по коммуникации, сопричастность его эмоциям, переживаниям; активное слушание с ориентацией на партнера; трансляция корректной информации⁵. Наблюдая процессы, протекающие в социальных сетях, мессенджерах, чатах, форумах, электронной почте, пока нельзя однозначно сказать, востребованы ли и в какой мере данные принципы в современном коммуникативном пространстве. Дезинформация, открытый доступ запрещенной информации, различные формы манипулирования сознанием, нарушения авторских прав и плагиат, передача личных данных третьим лицам, оскорбление достоинства, использование ненормативной лексики, эпатаж, троллинг, взлом чужих аккаунтов, спам, интолерантное отношение и прочее становятся достаточно распространенными явлениями. Очевидно, что подобного рода проблемы лежат не только в плоскости соблюдения этических норм, но и в поле правового регулирования.

Формирование электронной культуры сопровождается следующими процессами. Во-первых, с одной стороны, она предоставляет человеку новые познавательные, образовательные, коммуникативные, рекреационные возможности, а с другой – усиливает стандартизации, унифицированность, усредненность, выравнивание, обезличивание, когда все похоже на всех. Все это неминуемо приводит к потере многообразия, изменению содержания и формы современной культуры. Во-вторых, электронная культура наполняется не только и не столько за счет модернизации реальной культуры, сколько благодаря появлению собственных элементов, существование которых возможно исключительно в уникальной виртуальной среде: массовости, индивидуализации, расширению творческого пространства, антииерархичности, сюрреальности, доминированию импровизационного начала над организованным, поликонтекстности, анонимности. В-третьих, порождение феномена клиповой эстетики и клипового сознания. Разорванная, фрагментированная частичная реальность клипа превращает его в базовую модель формирования стратегий восприятия, оценивания и действия. «Дефицит реальности» вынуждает производить симулирующие ее формы – достаточно краткие, чтобы обеспечить непрерывную циркуляцию образов, остановка в череде которых была бы вторжением реаль-

ного, чего стремятся избежать любыми способами. Новый тип визуальности, порожаемый автономной и самодостаточной логикой функционирования образов, генерирует новые схемы восприятия, трансформирующие саму действительность⁶. В-четвертых, многообразие виртуальных форм досуга и развлечений приводит к увеличению количества и качества рекреационных услуг, превращению гедонизма в идеологический код современной культуры. По мнению Т. Д. Лопатинской, понятие «гедонизм» стало относиться к кодовым, весьма эффективно воздействующим на сознание каждого конкретного индивида и все общество в целом. Она пишет о том, что благодаря своей убедительности и силе эмоционального воздействия, системности гедонистических образов и высокой частотности их повторений гедонистический код рождает у индивида устойчивую острую необходимость в эмоциональном подъеме, получении удовольствия, блаженства, провоцируя постоянную погоню за наслаждением, превращая его в самоцель каждого⁷.

Некоторые авторы, раскрывая содержание культуры как феномена, имеющего информационный базис, обращают внимание на то, что информация в этой системе сохраняется, накапливается и преобразуется с помощью создаваемых людьми знаковых средств в основном во внешней для них среде. Однако при этом упускается из виду, что информация может проявить себя только посредством коммуникации, обеспечивающей взаимодействие людей и придающей ему активный характер, побуждающий к действию⁸. Известно, социальная составляющая культуры проявляется только во взаимодействии с «другим» при помощи коммуникации и обмена информацией. Коммуникация – ключевой элемент в пространстве электронной культуры, которая предоставляет субъекту возможность получить новую степень свободы для активного коммуницирования со средой, формирования собственного мнения по поводу происходящих событий, одновременного присутствия во многих мирах, а также создания различных моделей самоидентификации. Виртуальная коммуникация на условиях равенства и всеобщности, отрицающая иерархию, преодолевающая любые – национальные, конфессиональные, территориальные и прочие – границы и различия, становится доминирующей. Человек, живущий в виртуальном пространстве, ощутивший вкус безграничной свободы выбора любых возможных форм самоопределения и самовыражения, говоря словами Ж. Бодрийера, переживает «экстаз коммуникации». Интериоризация нового содержания социальной жизни, порожаемого опосредованной коммуникацией, нарушает процессы рационального, критического осмысления и объекти-

зации. В результате виртуальная реальность воспринимается как реальность подлинная.

Становление сетевого общества за счет развития «массовой самокоммуникации» приводит к «культуре реальной виртуальности» (М. Кастельс), предоставляющей, по сравнению с культурой жизненного мира индивида с ее предписанными и весьма ригидными статусами, практически безграничные возможности для саморазвития и становления себя с иными, как правило, более высокими статусами, которые к тому же можно изменять по желанию. С. А. Кравченко обращает внимание на побочные следствия подобных процессов: сжатие мировоззренческого восприятия, в силу чего видение общественных проблем ограничено тем социальным кругом, с которым, собственно, осуществляется общение; утверждаются пассивные формы существования, не ориентированные на развитие пассионарности и не нацеленные на общественно значимые преобразования⁹. Иначе говоря, новый тип электронной культуры, реализуемый посредством информационно-коммуникативных инноваций, приводит к трансформации социально-культурной среды.

По мере расширения процессов интернетизации и роста интернет-аудитории, особенно в последние два года на фоне пандемии коронавируса в условиях самоизоляции и дистанционных форматов работы, произошел значительный рост потребления разнообразного контента в Сети. В 2020 г. Интернетом в России регулярно пользовались около 100 млн чел.¹⁰. По данным исследования компании Mediascope, за последние два года проникновение Интернета выросло на 10%, произошло это как за счет увеличения пользователей мобильного Интернета, так и роста числа интернет-пользователей старшего возраста¹¹. Разумеется, сама по себе динамика медиапотребления россиян не дает ответа на вопрос о его социальной роли в жизни пользователей. Однако очевидно, что для огромного количества людей, в первую очередь молодых, Интернет стал приоритетным инструментом познания и одновременно образом жизни в значительной степени за счет пользования социальными сетями и мессенджерами, выполняющими значимую коммуникативную функцию установления и поддержания контактов, обмена информацией. По данным опроса, проведенного Фондом общественного мнения (ФОМ) в марте 2021 г., какими-либо социальными сетями или мессенджерами пользуются две трети россиян¹².

Привлекательным отличием сетевой коммуникации от непосредственного общения является то, что такой коммуникационный контакт по желанию пользователя может стать доступным неограниченному количеству адре-

сатов, следовательно, коммуникация становится принципиально публичной. Массовым видом повседневных интернет-практик становится коммуникация ради коммуницирования, гонка за новыми формами разнообразной коммуникации, обмен «бессмысленными смыслами», что, на первый взгляд, выглядит как торжество информационно-коммуникационной революции. Такое поведение влечет неоднородные последствия. Результаты многочисленных исследований социологов, психологов, медиков свидетельствуют, что в последнее время вполне отчетливо обозначается тенденция неконтролируемого процесса техногенного порабощения и усиления манипуляционного воздействия виртуальных практик на сознание людей. В первую очередь, подобным информационным манипуляциям подвергается молодежь из-за постоянного присутствия в Интернете и социальных сетях, высокой коммуникативной потребности, сублимационной самопрезентации, простоты материальных запросов и возрастных психологических особенностей (негативизма, максимализма, немотивированной активности, потребности в причастности и лидерстве)¹³. В итоге молодые люди начинают испытывать сложности с формированием абстрактного мышления, невозможность концентрации внимания, недолговечность запоминания информации. «Цифровой туман» – термин, в последнее время получающий распространение, – описывает ситуацию стресса в условиях глубокого погружения в виртуальный мир.

Одним из элементов новой электронной культуры является интернет-мем. В научном дискурсе интернет-мем подвергается активному изучению в различных аспектах: как социокультурный, лингвистический феномен, вид искусства; средство современной коммуникации (в том числе маркетинговой и политической); средство манипулирования общественным сознанием; оружие информационной войны и др. Многие авторы отмечают, что благодаря своим главным характеристикам – вирусности, эмоциональности, серийности, минималистичности, актуальности – мем направлен прежде всего на комическое переосмысление действительности, что приводит к имитации коммуникации, иллюзии двусторонней коммуникации. С распространением практики создания в сетевых сообществах мемов и фреймов, заставляющих молодых людей совершать конкретные действия, некоторые исследователи связывают реальную опасность манипуляции сознанием, рассматривают мемы как опасное для социума явление. На первый взгляд, безобидное явление может послужить основанием не только для административного, но и для уголовного преследования. В. М. Беренкова выделяет характеристики мемов, которые могут стать

основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 282 УК РФ. К ним она относит: непристойное содержание; наличие злого умысла и подстрекательский характер; открытый доступ для общественности, публичный характер; умышленную дискредитацию лица или группы лиц в глазах общественности¹⁴.

Чрезвычайно высокая скорость распространения интернет-мемов может использоваться для дестабилизации внутреннего положения в стране. В частности, А. Ф. Невоструева напоминает о примерах разнообразных «цветных» революций последних десятилетий, подтверждающих это предположение. Она пишет о том, что «репликаторами», копирующими и распространяющими такие мемы, в большинстве случаев выступали и выступают представители внесистемной оппозиции. Кроме того, подобные приемы широко используются в современном сетевом маркетинге, за что такие сетевые структуры подвергаются аргументированной критике¹⁵.

Потоки информационного мусора и манипуляций формируют дезориентирующее пространство, в котором представлены все информационные патологии и их последствия – от информационно-психологических войн до откровенных девиаций¹⁶. Мониторинг общественного мнения, регулярно проводимый авторитетными социологическими центрами по проблемам влияния Интернета и социальных сетей на общество, фиксирует изменение настроения россиян относительно регулирования интернет-контента. Так, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного в апреле 2021 г., 54% россиян считают, что развитию информационного пространства, объединяющего весь мир, идет на пользу нашему обществу. На вопрос о том, какую информацию нужно ограничить в Интернете, 91% респондентов ответили, что нужно ограничивать информацию об оружии, взрывчатых веществах и их производстве из подручных материалов; столько же респондентов (91%) выступают за ограничение информации, содержащей призывы к вступлению в радикальные, экстремистские группировки и движения; о необходимости ограничить призывы к вступлению в религиозные секты высказались 89%, информацию о самоубийствах – 88%, порнографические материалы – 84%, сцены насилия, агрессии и жестокости в видео/компьютерных играх – 82%. Большинство (78%) наших соотечественников согласны, что бороться с подобной информацией в Интернете необходимо, так как сокращение ее объема уменьшает угрозы для населения. В целом 65% опрошенных вполне позитивно относятся к цензуре, не воспринимая регулирование Интернета как ущемление своей личной свободы¹⁷.

Результаты опроса ФОМ оценки уровня развития информационных технологий, опубликованные 7 апреля 2021 г., показывают, что 64% интернет-пользователей испытывают беспокойство по поводу конфиденциальности персональных данных в Интернете. Чаще всего люди боятся, «что деньги украдут» или «долги повесят», а также «махинаций и мошенничества», «утечки информации обо мне и близких». Половина россиян, например, одобрительно отзываются о законе, согласно которому производители электронных устройств теперь обязаны предустанавливать на них российские программы¹⁸.

Очевидно, что новое сетевое пространство коммуникаций порождает потребность выработки новых норм и правил, позволяющих осуществлять социальный контроль в новом культурном пространстве. Деятельность по удовлетворению такой потребности должна осуществляться комплексно, ибо она затрагивает три измерения: социальное, духовное и правовое. Общество предъявляет запрос на создание системы регулирования интернет-коммуникаций не только на этическом уровне, но и его перевод в правовую плоскость.

Содержание и последствия социокультурных трансформаций, происходящих в условиях и под влиянием повсеместного распространения Интернета и других информационно-коммуникационных технологий, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. Вследствие мозаичности электронной культуры, освоения новых виртуальных практик коммуникации, темпа и ритма жизни, заданных информационным обществом, модель поведения современного человека трансформировалась. Ресурсы личности становятся ее креативность, гибкость и системность мышления, умение принимать решения в условиях неопределенности и дефицита времени, способность овладевать навыками пользования постоянно обновляющимися коммуникативными технологиями. Возникает новая коммуникативная ситуация, в которой виртуальность – органичная культурная среда, обладающая большей ценностью и притягательностью, нежели реальные жизненные процессы.

Примечания

¹ См.: Баева Л. В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания // *Философские науки*. 2018. № 6. С. 88–89.

- ² Баева Л. В. Информационная эпоха : метаморфозы классических ценностей. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2008. С. 29.
- ³ Баева Л. В. Информационная этика в условиях развития электронной культуры // *Информационное общество*. 2020. № 6. С. 37.
- ⁴ См.: Баева Л. В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания.
- ⁵ См.: Социальные коммуникации в информационном мире : от этики к праву / О. Ю. Голуб, С. Н. Коневец, Д. С. Артамонов [и др.]. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. С. 26–27.
- ⁶ См.: Ахметова Д. И. Виртуальный способ существования культуры // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2011. № 2 (1). С. 372.
- ⁷ См.: Лопатинская Т. Д. Виртуализация современной культуры и ее феноменов // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 4. С. 37.
- ⁸ См.: Невоструева А. Ф. Культура в системе современного информационно-коммуникационного пространства // *Общество : социология, психология, педагогика*. 2018. № 8 (52). С. 36. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.8.6>
- ⁹ См.: Кравченко С. А. Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале : изменения в характере коммуникаций // *Коммуникология*. 2020. Т. 8, № 3. С. 17. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-3-15-28>
- ¹⁰ См.: В Минэкономсвязи назвали число пользователей интернета в России // *Газета.RU* : [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2020/08/30/n_14866939.shtml (дата обращения: 13.04.2021).
- ¹¹ См.: Mediascope расширила измерения мобильного интернета до всей России // *Исследовательская компания Mediascope* : [сайт]. URL: <https://mediascope.net/news/1067271/> (дата обращения: 13.04.2021).
- ¹² См.: Социальные сети и мессенджеры : Какими социальными сетями и мессенджерами пользуются россияне? // *ФОМ* : [сайт]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14555> (дата обращения: 13.04.2021).
- ¹³ См., например: Шаповалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // *Социс. Социологические исследования*. 2015. № 4. С. 150.
- ¹⁴ См.: Беренкова В. М. Интернет-мемы как основание для уголовного преследования // *Эпомен*. 2020. № 41. С. 231–232.
- ¹⁵ См.: Невоструева А. Ф. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁶ См.: Шаповалова И. С. Указ. соч. С. 151.
- ¹⁷ См.: Интернет : возможности или угрозы? // *ВЦИОМ* : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozhnosti-ili-ugrozy> (дата обращения 15.04.2021).
- ¹⁸ См.: Информационные технологии : Оценка уровня развития инфотехнологий. Отношение к предустановке российских программ // *ФОМ* : [сайт]. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (дата обращения 15.04.2021).

Поступила в редакцию 29.06.2021, после рецензирования 23.08.2021, принята к публикации 30.08.2021
Received 29.06.2021, revised 23.08.2021, accepted 30.08.2021